

Боевые действия русских войск у деревни Семеновской.

Тема доклада неразрывно связана с вопросами: в котором часу был ранен князь П.И. Багратион и отбита атака на батарею Раевского, сколько раз французы атаковали Багратионовы флеши и как долго оборонялись их защитникиⁱ? Реальные события сражения, как они представлены историческими источниками, явно противоречат историографической традиции, доверившись которой мы подчас не обнаружим смысла в действиях как русской, так и французской стороны.

Причину таких искажений, как нам кажется, следует искать в том, что историки оборону левого фланга зачастую отождествляли с обороной флешей Багратиона, а бой за деревню Семеновскую с той фазой сражения, когда в дело вступила русская гвардия. Весьма значительную и, возможно, решающую роль в распространении такой концепции боевых действий на левом фланге русской армии сыграл авторитет генерал-квартирмейстера 1-й армии К.Ф. Толяⁱⁱ.

Исследователи часто пишут о самоотверженной, героической обороне деревни Семеновской, упуская нередко из виду то обстоятельство, что «слабость» левого фланга русской армии и «уязвимость» флешей Багратиона оказались лишь видимостью для французов, которые потеряли здесь свои лучшие силы, натолкнувшись на подготовленную русским командованием оборону.

Таким образом, для верного представления логики событий в сражении за деревню Семеновскую, оценки достоинств и недостатков избранной русскими позиции, замыслов, распоряжений, действий и конечных результатов сражения необходимо ясное понимание смысла слов, «левый фланг русской армии».

К проблеме левого фланга примыкает и спорное, на наш взгляд, суждение о трех позициях русской армии в боевых действиях (Шевардино, флеши, Семеновское), высказанное, например, А.П. Ермоловым, а у французов — Пеле. Автор одной из обстоятельнейших статей, анализирующихⁱⁱⁱ позиции русской армии на Бородинском поле, Л.П. Богданов пришел к выводу, что левое крыло армии. Кутузова занимало две позиции — флеши, а затем деревню Семеновскую, при этом не без основания заметив, что «еще недостаточно изучены боевые порядки и размещение войск на Бородинской позиции, особенно на ее левом фланге»ⁱⁱⁱ. Нам же представляется, что есть все основания утверждать, что позиция левого фланга в течение всего сражения была довольно стабильной. Главное внимание русского командования с самого начала было обращено на деревню Семеновскую, где по линии оврага проходил основной естественный рубеж обороны, высоко оцененный самим противником: «Овраг этот глубок, его покатоности круты и покрыты кустарником, затруднительны для прохода... Восточную ветвь оврага можно было увидеть только тогда, когда она, по переходе первой ветви, представила новое препятствие нашим атакам»^{iv}. Вместе с тем известно высказывание М. И. Кутузова о «слабом месте сей позиции, на левом фланге находящемся», где южнее деревни Семеновское были возведены три укрепления Семеновские, или Багратионовы, флеши), с которыми впоследствии, возможно, благодаря имени знаменитого полководца, руководившего их обороной, было отождествлено все левое крыло. Русское командование не придавало особого значения обороне флешей, поскольку они являлись лишь составной частью в целой системе оборонительных укреплений у Семеновской. В этом убеждает письмо П.И. Багратиона Александру I от 27 авг. 1812г., в котором,

сообщая «об ударе, нанесенном на нашем левом фланге», полководец не упоминает о флешах, но объединяет в понятие «левый фланг» Семеновское и Шевардинский редут^v. Именно так оценивает бой на левом фланге М.И. Кутузов в Официальных известиях из армии, где флеша упоминаются в качестве укреплений, усиливающих оборону деревни Семеновское^{vi}. Под левым флангом русской позиции подразумевает деревню Семеновское начальник штаба 2-й армии Э.Ф. Сен-При^{vii}, «Крайними укреплениями левого фланга» называет флеша Евг. Вюртембергский^{viii}. Описанию прочности обороны самой деревни Семеновское историки, как правило, не придают особого значения.

О силе позиции у самой деревни Семеновской позволяют судить заключения, сделанные А.П. Ларионовым в статье «Использование артиллерии в Бородинском сражении»^{ix}. Обобщив данные из «Описания сражения...» К.Ф. Толя, дневника Э.Ф. де Сен-При, рапорта начальника артиллерии 2-й армии К.Ф. Левенштерна, автор статьи пришел к выводу, что, вопреки сведениям К.Ф. Толя, в резерве «к концу дня 25 августа в Псаревском лесу не оставалось ни одного орудия», на направлении же главного удара противника «на левам фланге позиции М.И. Кутузовым было сосредоточено 396 орудий», (Уместно заметить, что перед началом сражения для обороны флешей предназначалось 52 орудия из указанных выше.) По словам Э.Ф. Сен-При, самая мощная 24-орудийная батарея располагалась на северной окраине деревни. Всего же, по расчетам А.П. Ларионова, к самому началу сражения за Семеновским оврагом было размещено около 110 орудий. Естественные возвышенности и полевые укрепления использовались с таким расчетом, чтобы обеспечить интенсивный перекрестный обстрел. «Эти редуты (флеша) были простые реданы... в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружиевыми и картечными залпами выметали находившихся внутри их. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими»^x. Другой французский офицер вспоминал: «Эта вторая возвышенность была покрыта батареями, хорошо действующими, истощала беспримерным огнем свои наши войска»^{xi}. Из сказанного можно сделать вывод, что при выборе позиции М.И. Кутузов учитывал возможность сильного натиска противника на левом фланге. Следовательно, утверждение о чрезмерной слабости этого участка позиции русской армии является преувеличением.

С этой же проблемой связан вопрос о том, насколько целесообразным оказалось расположение русских войск на позиции. Документы позволяют предположить, что оборона левого фланга с самого начала имела глубокий боевой порядок. Первую линию, согласно диспозиции, составляли войска 2-й сводно-гренадерской и 27-й пех. дивизий, 4-го кав. корпуса; далее за оврагом располагался частный резерв — 2-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизии, в третьей же линии находились гвардейские части. Историки сходятся во мнении, что войска эти были посланы Кутузовым на левый фланг, когда уже точно определилось «стремление неприятеля». Однако в документах содержатся другие указания. В реляции Кутузова^{xii} говорится, что он направил к левому флангу гвардейскую бригаду Храповицкого раньше, чем Багратион обратился за помощью. Командир 5-го гв. корпуса генерал-лейтенант Н.И. Лавров доносил Д.С. Дохтурову 3 сент. 1812 г.: «В день сражения 26 августа в 5 часов утра вся гвардейская пехотная дивизия...заняла позицию позади правого фланга 2 армии...Через полчаса получил я приказание от...Беннигсена командировать из вверенной мне гвардейской дивизии полки л.-гв. Измайловский и Литовский и сводную гренадерскую бригаду под командою...полковника Храповицкого»^{xiii}. В рапортах

оставшихся за старших в лейб-гв. Литовском и Измайловском полках полковников И.Ф. Удома и А.И. Кутузова^{xiv} указывается то же время. С гвардейскими полками находились и батарейные роты лейб-гв. арт. бригады. Тот факт, что обе роты с 7 час. Утра были уже в деле, отметил еще Г.М. Ратч, ссылаясь на потери во 2-й батарейной роте и наградное представление штабс-капитана А.И. Базилевича, командовавшего 1-й батарейной ротой. Ранее прибытие и вступление в бой 1-й сводно-гренадерской бригады генерал-майора Г.М. Кантакузина подтверждается письмом на имя А.А. Аракчеева от 9 нояб. 1812 года по поводу отличий капитана Т.П. Букарева, оставшегося за старшего в бригаде после сражения. «После смерти командира л.-гренадерского полку Алберта и бригадного командира князя Кантакузина, когда оба они будучи на левом фланге гвардии... во время начала сражения были убиты... он, Букарев... тотчас заступил место»^{xv} (что, кстати сказать, еще раз подтверждает версию о ранении Багратиона между 9 и 10 час.).

Сложнее всего определить по источникам время и место вступления в сражение, лейб-гв. Финляндского полка. Автор истории полка С.А. Гулевич, обобщив сведения и ссылаясь на воспоминания А.Н. Марина^{xvi}, пришел к выводу, что полк с раннего утра «стал в колонны к атаке, пошел вперед и занял место у дер. Семеновской, оставя за собою овраг...»^{xvii}. Можно сделать вывод, что гвардейские части составляли по распоряжению командования 3-ю линию боевого порядка на левом крыле до того, как сражение там приобрело ожесточенный характер.

Относительно хода самого сражения на левом фланге можно заметить, что бой на рубеже Семеновского оврага приобрел решающее значение не к полудню, а гораздо раньше. Непомерно затянутое К.Ф. Толем описание боя за флешы, произвольное дробление историками этого боя на восемь атак искажают подлинную картину происходивших там событий. Из распоряжений Наполеона перед битвой явствует, что главный удар должны были нанести войска центра, вверенные командованию маршала Нея, между батареей Раевского и деревней Семеновской, т.е. в центре^{xviii}. Вероятно, Кутузов тоже предполагал, что решающие события произойдут ближе к центру русской позиции. Именно поэтому он и считал «ключом позиции» батарею Раевского и длительное время удерживал значительные силы в районе Н. Семеновской дороги. «Наши силы представлялись этому Генералу в двух колоннах, направленных на центр», — указывал Пеле^{xix}.

Из всего, что известно о Бородинском сражении, можно сделать вывод, что в ходе самой битвы произошли неожиданные события, которые особенно не отмечались в исторических трудах. Маршал Ней, вступая в дело, произвольно изменил данное ему направление атаки, двинув свои войска на флешы. В связи с этим раньше времени оказались в первой линии полки русской гвардии, за что упрекают Кутузова. Но и для французов сражение развернулось вопреки замыслу Наполеона. Ни Понятовский, ни Даву не выполнили того, что от них ожидалось, чтобы облегчить войскам Нея возможность нанести главный удар севернее деревни Семеновской. Понятовский замедлил продвижение по Старой Смоленской дороге, Даву потерпел неудачу, пытаясь «с ходу овладеть флешами (1-я атака). «Маршал Ней... получил около 7-ми часов приказание атаковать. Указанное ему направление вело его к северу Семеновской)... Но едва голова третьего корпуса спустилась в овраг, как неукротимый воин кинулся вправо...»^{xx}. Заметим, что с этой минуты «прискорбные результаты битвы»^{xxi} сделались для французов неотвратимыми. Ней в азарте попытался одним ударом поразить двойную

цель: взять флешу и овладеть деревней Семеновское, которая к 8 часам (ко времени второй атаки флешей) стала объектом главного удара французов. Вопреки традиции насчитывать восемь атак на флешу, источники дают основание полагать, что их было четыре, причем три последние заканчивались попыткой овладеть деревней и решающие события происходили именно там. Во время второй атаки Ней, захватив флешу и выполнив эту неосновную для него задачу, понес огромные потери. «Дивизии Компана и Ледрю, долженствующие занять промежуток в шестьсот сажень от редантов до бастионного редута, вошли, смешавшись, в одну флешу...»^{xxii}. Затем Ней попытался овладеть деревней, переходя овраг не там, где ему предписывалось, а в самом широком и глубоком месте, и в результате атака была отбита. Во время этой контратаки был ранен находившийся на высоте севернее Семеновского князь П.И. Багратион.

Ко времени третьей атаки флешей и деревни на высотах рядом с гвардией уже находилась 3-я пех. дивизия П.П. Коновницына, пришедшая со Старой Смоленской дороги. Действия этого военачальника, блестяще проявившего себя в самый сложный момент сражения, к сожалению, не оценены по достоинству^{xxiii}. Из «Описания...» К.Ф. Толя следует, что едва Коновницын стал распоряжаться на левом фланге, как тут же прибыл Дохтуров. Сила контратак русских воинов усиливалась за счет того, что они начинались со склона Семеновского оврага. Ко времени четвертой атаки на флешу и деревню в бой уже вступили гвардейские полки, что явно не входило в расчеты русского командования. Однако это явилось неизбежным результатом смещения в боевом порядке французских войск. «Мы слишком усилили наш правый фланг»^{xxiv}, — писал Рапп. Около полудня, когда в бой за Семеновское вступили части дивизии Фриана, назначенные «для поправления ошибок сделанных во время сражения»^{xxv}, сил для прорыва фронта у французов было уже явно недостаточно. В центре также потерпели неудачу войска вице-короля, не удержавшие батарею Раевского после того, как Ней был выбит из деревни Семеновской. Это обстоятельство было роковым для неприятеля, тогда как для русских кризис, связанный с угрозой прорыва фронта между 9 и 10 час., миновал. (Это отмечали и французы: «Успеха можно было добиться в 9 часов утра, после взятия Большого редута»^{xxvi}.) В то же время под обстрелом русских батарей в центре оказались в бездействии значительные части французской кавалерии, назначенные в подкрепление Нею. Так русские части на левом фланге, несмотря на понесенные потери и поздно прибывшие с правого крыла резервы, до конца выполнили свой долг в неравном бою. Действия же французов, сосредоточивших здесь основную массу войск, и самовольство «неукротимого воина» Нея были бы оправданы, если бы удалось смять и прорвать фронт у деревни Семеновской, но ни условия местности, «ни меры, предпринятые русским командованием, этого не позволили, хотя бы из-за плотности боевого порядка. «На левом фланге войска стояли в 6 и даже в 7 линий... Неприятелю было весьма трудно прорвать наш фронт»^{xxvii}, — писал офицер квартирмейстерской части. К такому же выводу пришел и Наполеон, отказавшись ввести в бой гвардию. Усилия, предпринятые К.Ф. Толем с целью оградить память М.И. Кутузова от нареканий, не всегда оказывали добрую службу репутации фельдмаршала. Пытаясь скрыть в донесениях время вступления в бой привилегированных полков гвардии, генерал-квартирмейстер создавал искаженное описание хода сражения. Эту же ошибку повторили за Толем и историки, по поводу чего, например, Евг. Вюртембергский, командир 4-й пех. дивизии, заметил: «Вутурлин, приписывая мне решительное наступательное движение на левом фланге, доказывает этим, с одной стороны, свое ко мне расположение, а с другой, незнание подробностей... сражения»^{xxviii} (имеется в виду приписываемое ему участие в бою за флешу, тогда как его

дивизия сражалась севернее, а затем южнее деревни Семеновское).

А.И. Михайловский-Данилевский, описывая атаку Нея на флеши, не указывал, что они простирались до Семеновской. Из подобных описаний историки делали вывод, что захват флешей французами являлся чуть ли не конечной целью всей битвы, а их потеря воспринимается как доказательство поражения Кутузова в сражении. Делаются выводы о том, что Кутузов "ослабил левое крыло вопреки очевидному стремлению неприятеля, не перебросив вовремя войска 2-го и 4-го пех. корпусов. Однако стремление такой массы французских войск именно на «оконечность» левого крыла накануне сражения было отнюдь не очевидно, поэтому Кутузов, вероятно, рассчитывал использовать войска 2-го и 4-го корпусов в центре, а левое крыло укрепил гвардией. Молниеносно отреагировать на рывок Нея вправо, явившийся неожиданностью и для Наполеона, было затруднительно, поэтому гвардия, вопреки ожиданиям, оказалась в сражении раньше 2-го и 4-го корпусов. Если же отрешиться от оценок результатов сражения с точки зрения подсчетов «подхваченных кусков материи на палках... и пространства, на котором стояли и стоят войска», то следует сказать, что в битве при Бородине избранная позиция и размещение войск в целом себя оправдали. «Линия армии не была прорвана, и ее левый фланг был только осажен назад», — писал Э. Ф. Сен-При^{xxix}.

Примечания

- ⁱ Васильев А.А., Ивченко Л.Л. Девять на двенадцать, или повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина.1992. № 6-7.С.62-67.
- ⁱⁱ Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24-26 августа 1812 года, составленная на основании рапортов Г.Г. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских... // Отечественная зап. 1822.
- ⁱⁱⁱ Богданов К.Ф. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сб. ст. М., 1962. С.98.
- ^{iv} Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года // Издание ИОИДР при Московском ун-те. М., 1872. С. 64-65.
- ^v Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 109.
- ^{vi} Там же. С. 111.
- ^{vii} Сен-При Э.Ф. Дневник // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. С. 150.
- ^{viii} Воспоминания Евг. Вюртембергского о кампании 1812 года в России // Военный журнал. 1848. №1. С. 48.
- ^{ix} Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год... С. 116-131.
- ^x Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 155.
- ^{xi} Липранди И.П. Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867. С. 60.
- ^{xii} Бородино. Документы... С.136.
- ^{xiii} Там же. С. 144.
- ^{xiv} Там же. С. 147-150.
- ^{xv} РГВИА. Ф. 154. Оп. I. Д. 97. Л. 171.
- ^{xvi} День 26 августа 1812 года. Из бумаг А.Н. Марина и материалов к его биографии // Летописи. Кн. 10. М., 1948.
- ^{xvii} Гулевич С.А. История л.-гв. Финляндского полка. СПб., 1906. С. 209.
- ^{xviii} Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. С. 166-168.
- ^{xix} Бородинское сражение... С.71-72.
- ^{xx} Там же. С. 75.
- ^{xxi} Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск. 1991. С. 133.

-
- ^{xxii} Бородинское сражение... С. 78.
- ^{xxiii} РГВИА Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 4, Ч. 1. Св. 0.
- ^{xxiv} Россия первой половины XIX века... С. 131.
- ^{xxv} Бородинское сражение... С. 71.
- ^{xxvi} Россия первой половины XIX века... С. 149.
- ^{xxvii} Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. Кн. III. С. 250.
- ^{xxviii} Воспоминания Евг. Вюртембергского. С. 69.
- ^{xxix} Сен-При Э.Ф. Замечания на Бородинское сражение и вызванные им события // Харкевич В. Указ. соч. С. 168.